

**ИЗБИРАТЕЛЬНОСТЬ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ,
ФОРМИРУЮЩИХ СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ “FORENSIC EXPERTISE”
В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Валентина Николаевна Шашкова

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия,
valentina.shash@mail.ru

Аннотация. В статье теоретически обоснована и продемонстрирована возможность экспликации состава семантического поля «Forensic Expertise» с опорой на функционально-ролевой подход. В рамках семантического поля выделены кластеры, именуемые типы экспертиз, объекты исследования, инструменты, используемые при проведении криминалистической экспертизы, действия, производимые в ходе криминалистической экспертизы и ее результаты.

Основной постулат исследования заключался в том, что избирательность языковых средств обусловлена такими факторами, как сфера общения, кортеж коммуникативного взаимодействия с учетом социальных и коммуникативных ролей участников, коммуникативная макроцель, стратегия и конкретные задачи, а также параметры функционального стиля, оформляющего жанр.

В ходе исследования выявлены следующие тенденции оформления номинативных единиц, входящих в семантическое поле «Forensic Expertise»: использование лексико-семантических вариантов, реализующих синонимические отношения при номинации типов экспертиз; функционирование такого механизма номинации, как уточнение сигнификативного значения лексической единицы и расширение ее до комплексной номинативной единицы; активное употребление лексем пропозитивной семантики; использование аббревиатур, сложносокращенных слов; усложнение синтаксических моделей фраз за счет однородных членов и причастий.

Ключевые слова: семантическое поле, референтная область, лексико-семантическая группа, функционально-ролевой принцип, семантический падеж, существительные пропозитивной семантики.

Для цитирования: Шашкова В. Н. Избирательность языковых средств, формирующих семантическое поле “forensic expertise” в английском языке // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 2 (104). С. 144–151.

Original article

**THE SELECTIVITY OF LANGUAGE MEANS FORMING THE SEMANTIC
FIELD “FORENSIC EXPERTISE” IN THE ENGLISH LANGUAGE**

Valentina N. Shashkova

Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov,
Orel, Russia, valentina.shash@mail.ru

Abstract. The article theoretically substantiates and demonstrates the possibility of explicating the composition of the semantic field “Forensic Expertise” based on the functional-role approach. It identifies the clusters naming the types of expertise, the objects of expertise, the tools used in conducting forensic examinations, the actions performed as part of a forensic expertise and its results within the semantic field,

The main postulate of the research was that the selectivity of language means is determined by such factors as the sphere of communication, the participants of communicative interaction in their social and communicative roles, the communicative macro-goal, strategy and specific tasks as well as the parameters of the functional style which formalizes the genre.

© Шашкова В. Н., 2024

The research revealed the following trends in the formation of nominative units included in the semantic field “Forensic Expertise”: the use of lexical semantic variants which actualize synonymous relations in the nomination of the types of expertise; the functioning of such a mechanism of nomination as specification of the significant meaning of a lexical unit and its expansion to a complex nominative unit; active use of lexemes of propositional semantics; use of abbreviations and compound words; complication of syntactic models of phrases due to homogeneous members and participles.

Keywords: semantic field, reference zone, lexical and semantic group, functional and role principle, semantic case, nouns of propositive semantics.

For citation: Shashkova V. N. The selectivity of language means forming the semantic field “forensic expertise” in the English language // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 2 (104). P. 144–151. (In Russ.)

Введение

В контексте современной дискурсивной парадигмы исследования одним из основных теоретических постулатов лингвистических исследований выступает идея об обусловленности выбора языковых средств для осуществления коммуникации в определенной сфере общения такими экстралингвистическими факторами, как сфера общественной коммуникации, прагматическая цель взаимодействия, коммуникативная макроцель и коммуникативные тактики, формирующие стратегию реализации прагматической задачи. Кроме того, к экстралингвистическим факторам, предопределяющим избирательность языковых средств при производстве высказывания, относятся коммуникативные субъекты в совокупности своих социальных и коммуникативных ролей, а также уровень формальности взаимодействия. К внутриязыковым факторам, регламентирующим основные формы воплощения разных типов значений в строе предложения и текста, относятся парадигматические связи лексем в рамках семантического поля, а также их сочетаемостные характеристики, предопределенные заложенными в языковой системе валентностными связями лексемы [1, с. 57]. Мы исходим из постулата о том, что языковые средства, формирующие в своей совокупности функциональный стиль речи, оформляющий тексты определенной функционально-семантической специфики, а также композиционная структура, обусловленная жанровой принадлежностью текста, выступают в качестве критериев для выбора способов выражения предпочтительных для сферы общения типов содержания.

В связи с тем, что обусловленность выбора языковых средств перечисленными экстралингвистическими и собственно лингвистическими факторами была рассмотрена и доказана на материале разных типов дискурса, в этой статье мы обратились к выявлению тех конкретных языковых аспектов, которые можно рассматривать в качестве маркеров номинативных средств, относящихся к исследуемой референтной области.

«Важнейшая роль в когнитивно-дискурсивной парадигме отводится дискурсу и дискурсивной деятельности» [2, с. 46]. По этой причине мы учитываем перечисленные факторы как индикаторы дискурса и выявляем повторяющиеся особенности языкового употребления сквозь призму характеристик текстовой деятельности в юридической сфере общения, которые ограничены референтной областью описания криминалистической экспертизы. Мы также разделяем позицию о том, что «представления о мире формируются в ходе познавательной деятельности человека, и часть из них фиксируется языковыми структурами, а также дискурсивными стилями» [3, с. 160]. В связи с этим мы исходим из того, что деятельность эксперта-криминалиста отражается в языке (в нашем случае исследование проводилось на материале английского языка) номинативными средствами, специфика которых является результатом лексикализации и грамматикализации элементов дискурсивного стиля.

Методы

Сам подход к изучению номинативных средств языка сквозь призму семантического поля, понимаемого как совокупность

языковых средств и их значений, используемых для описания некоторой референтной области, не содержит в себе ничего революционного. Проблема системного описания семантического поля допускала различные варианты решения, начиная с фундаментальной работы С. Г. Шура [4, с. 7–19] вплоть до модели ассоциативно-вербальной сети Ю. Н. Караулова, объединяющей грамматику и лексику [5, с. 57], функционально-когнитивной интерпретации концептов, формирующих семантическое поле [6, с. 5–9; 7, с. 228]. При этом подходы к «категоризации действительности» [8, с. 96], основания для выделения лексических кластеров внутри семантического поля могут различаться в исследовательских концепциях. Ввиду этого общий принцип комплементарности подходов к описанию языковых явлений допускает акцентную подачу явлений в контексте определенного подхода. Мы ориентируемся на «функционально-ролевой принцип» [9, с. 193–194] при распределении номинативных средств по лексико-семантическим группам внутри семантического поля. Этот подход основан на идее о том, что описание любой коммуникативной ситуации допускает представление через экспликацию семантических ролей участников этой ситуации. Семантические роли могут пониматься в контексте референциально-ролевой грамматики Р. ван Валина и У. Фолли [10, с. 376–410], или падежной грамматики Ч. Филлмора [11, с. 496–530], или фреймовой семантики В. З. Демьянкова [12, с. 189–191]. Ключевой идеей используемого принципа является возможность дифференцированного представления номинативных средств семантического поля с опорой на роли, которые номинативные единицы выполняют в структуре пропозиции, изоморфной структуре релевантной ситуации в рамках конкретной референтной области.

Результаты

Для нашего исследования референтной областью, для описания которой будут выделяться и изучаться кластеры номинативных средств, является судебная экспертиза. Материалом для исследования послужили те-

матически релевантные статьи интернет-ресурса «Википедия».

Мы исходим из того, что функциональной основой криминалистической экспертизы является идентификация. «Криминалистическая идентификация выступает одним из основных инструментов определения истины в уголовном судопроизводстве, который позволяет установить связь субъекта или предмета по оставленным ими следам и иным материальным отображениям, путем сравнения, с целью выявления как сходства, так и различия» [13, с. 193].

Первичный подход к категоризации концептов, относящихся к исследуемой референтной области, заключается в выделении типов экспертиз. Уже на этом этапе становится очевидной необходимость учета внутриязыковых парадигматических связей лексических единиц, точнее – тех лексико-семантических вариантов, в которых они употреблены.

Ядерный элемент комплексных номинативных единиц, именующих типы экспертиз, допускает синонимическую вариативность: *DNA forensics* – ДНК-экспертиза, *handwriting expertise* – почерковедческая экспертиза, *bite mark analysis* – анализ следов укусов, *forensic toxicology test* – судебно-токсикологическая экспертиза. Именно определения к ядерному элементу обуславливают конкретный лексико-семантический вариант, в котором он актуализируется в составе комплексной номинативной единицы. Так, в широком значении, без учета уточняющего определения, слово *forensics*, являющееся результатом такого словообразовательного механизма, как стяжение на материале прилагательного *forensic* и существительного *expertise*, является гиперонимом по отношению к гипонимам *analysis*, *test*. Однако учет вербального контекста и анализ сочетаемостных вариантов рассматриваемых лексем в разных источниках позволяет сделать вывод об их взаимозаменяемости, что является свидетельством того, что в наименованиях типов судебных экспертиз ядерные элементы актуализируются как синонимы в узком значении конкретного научного метода, используемо-

го для раскрытия преступления. Определения в этом случае семантически уточняют тип объекта исследования в ходе проведения экспертизы: *DNA*, *handwriting*, *bite marks*. По аналогичной модели построены такие терминосочетания, как *fibre analysis* – анализ волокон, *firearms and ammunition analysis* – анализ огнестрельного оружия и боеприпасов, *ear print comparison* – сравнение отпечатков ушей.

В этой же лексико-семантической группе можно выделить отдельный кластер номинативных средств, определяющих область использования криминалистической экспертизы: *murder forensics* – судебная экспертиза, проводимая в делах об убийствах, *forensic toxicology test* – судебно-токсикологическая экспертиза, *forensic anthropology* – судебная антропология.

Таким образом, имена типов экспертиз по семантическому признаку допускают выделение двух подгрупп: по типу объекта и по области, в которой проводится экспертиза.

Вторая лексико-семантическая группа в рамках семантического поля «Forensic Expertise» включает имена объектов исследования. В первую очередь, выделяем четыре мини-группы: *physical evidence* – физические доказательства, *documentary evidence* – документальные доказательства, *testimonial evidence* – свидетельские показания, *demonstrative evidence* – демонстрационные доказательства. Последняя группа доказательств включает в себя предметы, не относящиеся непосредственно к месту преступления, но способные проиллюстрировать какую-либо версию. Примером может служить анатомическая модель, используемая для того, чтобы показать, как и куда была нанесена травма. Общей чертой наименований указанных мини-групп является использованный механизм номинации, а именно: уточнение сигнификативного значения лексической единицы посредством включения дополнительной лексемы в состав комплексной номинативной единицы. Общей является и модель распространения лексической единицы до уровня комплексного номинативного средства: Adj + N. Во

всех случаях уточняющее определение к ядерной лексеме *evidence* выражено прилагательным: *physical*, *documentary*, *testimonial*, *demonstrative*.

Мини-группа, называющая физические доказательства, является самой многочисленной и включает: 1) отдельные лексемы, например, *fingerprints* – отпечатки пальцев, *footprints* – следы ног, *toolmarks* – вмятины, следы от инструментов; 2) аббревиатуры, например, *DNA* – ДНК, *X-rays* – рентгеновские снимки; 3) комплексные номинативные единицы, такие как *blood samples* – следы крови, *fibre debris* – остатки волокон, *bodily fluids* – телесные жидкости, *skin cells* – клетки кожи, *chemical residue* – остатки химических веществ, *controlled substances* – контролируемые вещества.

Мини-группа документальных доказательств репрезентирована такими лексемами, как *contracts* – договоры, *wills* – завещания, *leases* – договоры на аренду, *medical records* – медицинские записи, *computer printouts* – компьютерные распечатки.

Мини-группа, объединяющая номинативные единицы со значением свидетельских показаний, может быть проиллюстрирована такими синонимичными терминологическими сочетаниями, как *eyewitness accounts*, *the witnesses' testimony*.

Мини-группа, включающая номинативные единицы, называющие виды демонстрационных доказательств, сформирована такими единицами, как *maps* – карты, *crime scene diagrams* – схемы места преступления, *blood spatter analysis* – анализ брызг крови, *graphs and charts* – графики и диаграммы.

Анализ номинативных средств, формирующих кластеры в лексико-семантической группе «Objects of Examination», позволяет заключить, что общая синтаксическая схема Attr + N, по которой построены комплексные номинативы, допускает вариативность в способах выражения определения: от прилагательных (*bodily fluids*) и причастий (*controlled substances*) до существительных (*skin cells*, *eyewitness accounts*) и целых именных комплексов (*blood spatter analysis*, *crime scene diagrams*).

Следующая лексико-семантическая группа «The Tools of Forensic Analysis» включает в себя следующие лексемы и номинативные единицы: *chromatographs* – хроматографы, *spectrometers* – спектрометры, *cyanoacrylate fuming chambers* – цианоакрилатные камеры для окуривания, *alternative light photography* – альтернативная световая фотография, *facial reconstruction* – реконструкция лица, *immunochromatography* – иммунохроматография, *Integrated Automatic Fingerprint Identification System (IAFIS)* – интегрированная автоматическая система идентификации по отпечаткам пальцев. Помимо сложносоставных лексем (*chromatographs*, *immunochromatography*), допускающих суффиксацию как способ словообразования, многокомпонентных слоев усложнения структуры именной фразы (*Integrated Automatic Fingerprint Identification System*), специфика этой группы затрагивает семантику анализируемых единиц: хроматографы и спектрометры – это приборы; интегрированная автоматическая система идентификации по отпечаткам пальцев – это система регистрации и сохранения результатов дактилоскопии, а иммунохроматография – это метод анализа. В наименованиях приборов работает прямая номинация, в то время как в номинативных средствах, именующих методы, актуализирован метонимический перенос.

Самая многочисленная и неоднородная лексико-семантическая группа в семантическом поле «Forensic Expertise» – это кластер, именующий действия и процессы, сопровождающие проведение криминалистической экспертизы. Здесь можно выделить три лексико-семантические группы: одна будет представлена глаголами и глагольными фразами, вторая – «существительными пропозитивной семантики» [14, с. 334] и фразами с ними, третья – герундиями и герундиальными фразами.

Глагольные фразы построены по базовой модели V + O, притом дополнение может модифицироваться определениями: *to trace recent soil disturbances* – выявить недавние вскрытия почвы. В этой комплексной номи-

нативной единице модификация значения дополнения *disturbances* осуществляется посредством введения в структуру сочетания двух определений: прилагательного с временным значением (*recent*) и существительного со значением объекта (*soil*).

Еще одним способом усложнения структуры номинативной единицы является введение однородных членов. Например: *to determine the source and the velocity of the stains* – определить источник и скорость распространения пятен (крови), *to exploit physical or behavioural features* – использовать физические или поведенческие особенности. В первом примере два однородных дополнения (*the source and the velocity*) связаны соединительной сочинительной связью. Во втором примере два определения к дополнению *features (physical and behavioural)* связаны разделительной связью.

Еще одна возможная синтаксическая модель в основе терминологических сочетаний с глаголом в качестве ядра предполагает использование предложных подчиненных элементов: *to link a suspect to a crime scene* – установить связь между подозреваемым и местом преступления, *to establish a relation between a knife and a stab wound* – установить связь между ножом и ножевым ранением, *to lift fibres with adhesive tape* – собрать волокна с помощью клейкой ленты. Общая схема терминологических сочетаний этого типа может быть представлена следующим образом: V + N (O / Sb) + pr + N (O / Instr). Вариативность семантических падежей, отображенная в скобках, обусловлена семантикой: *a suspect* – субъект, *a relation* – объект, *with an adhesive tape* – инструменталист [11, с. 405].

Глагольные фразы, именующие действия, осуществляемые в процессе криминалистической экспертизы, часто бывают осложнены причастием II: *to compare fingerprint marks with reference fingerprints stored in a database or obtained from a suspect* – сравнить следы пальцев с эталонными отпечатками пальцев, хранящимися в базе данных или полученными от подозреваемого, *to compare striation marks on the questioned*

bullet or cartridge with those left on a number of reference bullets or cartridges fired with that firearm – сравнить следы полос на исследуемой пуле или гильзе со следами, оставленными на ряде стандартных пуль или гильз, выпущенных из данного огнестрельного оружия. С точки зрения «пропозиционального содержания» [15, с. 218] выделенные причастия предполагают атомарные пропозиции, которые могут быть эксплицированы: P1 [fingerprints are stored in a database] or P2 [fingerprints are obtained from a suspect]. В этом случае для выявления атомарных пропозиций необходимо восстановление глубинной структуры пропозиции и экспликация актантов с опорой на ситуацию, референциально соотношенную с комплексной номинативной единицей.

Еще один способ усложнения структуры номинативной единицы за счет включения в ее состав подчиненного придаточного предложения проиллюстрирован следующим примером: *to establish if a questioned piece of handwriting originates from the same hand as a reference text of known origin* – установить, принадлежит ли исследуемый фрагмент почерка той же руке, что и эталонный текст известного происхождения. Изъяснительное придаточное, вводимое союзом *if*, является вариантом синтаксического воплощения семантического падежа «объект».

Таким образом, в этой группе номинативных единиц мы отмечаем тенденцию усложнения синтаксической структуры терминологического сочетания за счет неличных форм глагола, в частности, причастия II, а также подчиненного придаточного, которое выражает обязательные валентностные связи ядерной лексемы.

Именные группы наименований действий, предпринимаемых при проведении криминалистической экспертизы, построены по типовой модели: N prop + of + N при возможной уточняющей модификации зависимого существительного посредством определения: *the reconstruction of a shooting incident* – реконструкция инцидента со стрельбой, *the reconstruction of bullet trajectories* – реконструкция траекторий по-

лета пули. В обоих случаях ядерный компонент выражен именем пропозитивной семантики: *the reconstruction*. В первом примере определением к зависимому существительному выступает герундий *shooting*, во втором – существительное *bullet*.

Отдельного комментария заслуживает синтаксическая модель, сочленяющая в своем составе именную и глагольную фразы. Например: *the use of ageing software to 'update' portraits of missing persons* – использование программного обеспечения для старения в целях обновления портретов лиц, пропавших без вести. Фактически модель можно разделить на две номинативные группы: *the use of ageing software* и *to 'update' portraits of missing persons*, но в данном случае подчеркивается важность целевого назначения используемого инструмента, поэтому можно говорить о наращивании элементов комплексного номинатива и формировании синтагматической цепочки.

Последняя подгруппа, выражающая действия при проведении криминалистической экспертизы, представлена сочетаниями с герундием в качестве ядерного элемента: *examining the working of hardware or software* – изучение работы оборудования или программного обеспечения, *making password-protected digital data accessible* – обеспечение доступа к защищенным паролем цифровым данным. Оба выбранных примера интересны многослойным последовательным усложнением структуры герундиальной фразы. Так, в первом примере актуализировано существительное пропозитивной семантики *the working*, а также на втором уровне синтаксического подчинения актуализируются однородные определения (*of hardware or of software*), выраженные предложными существительными и соединенные разделительной связью при помощи союза *or*. Во втором примере герундию синтаксически подчиняется предикативный оборот без неличной формы глагола: *data accessible*, первая часть которого осложнена двумя неоднородными определениями: *password-protected* и *digital*.

Еще одной семантической подгруппой среди глагольных групп является кластер,

называющий не собственно действия, а результаты работы криминалистов. На регулярной основе ядерным компонентом этой группы выступает глагол *to yield: to yield a DNA profile* – получить профиль ДНК, *to yield information about the way in which the injury was incurred* – получить информацию о том, как была получена травма. Во втором примере констатируем придаточное предложение в составе глагольной группы, эксплицирующее атомарную пропозицию.

Заключение

Как показывает проведенный анализ комплексных номинативных единиц, относящихся к семантическому полю «Forensic Expertise», функционально-ролевой принцип обеспечивает теоретическую основу для экспликации состава семантического поля. Этот подход позволяет представить единицы не

списочно и не концентрически, от центра к периферии по степени выраженности семантического признака, а в зависимости от функциональных ролей, закрепленных за определенными компонентами пропозиции, которая понимается как семантический аналог ситуации в рамках референтной области. При таком подходе лексемы и номинативные единицы, используемые для описания отдельных аспектов референтной области, каталогизируются, обеспечивая речевую деятельность коммуникантов в сфере профессионального взаимодействия. Выявленные тенденции формирования комплексных номинативных единиц за счет усложнения структуры терминологических сочетаний могут быть использованы в ходе языковой подготовки курсантов и обучения их профессионально ориентированному высказыванию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шашкова В. Н. Коммуникативно-целевая специфика и особенности модального плана текстов учебно-дидактического характера: дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2006. 224 с.
2. Логунова Е. А., Федотова Е. А. Когнитивно-дискурсивная парадигма знания в лингвистике и ее основные положения // Актуальные вопросы лингвистики, педагогики и методики преподавания иностранных языков: сборник научных трудов. Калининград: Калининградский государственный технический университет, 2018. С. 45–49.
3. Дубровская О. Г. Когнитивно-дискурсивное направление когнитивной лингвистики как парадигма знания для интерпретации текста // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2011. С. 155–161.
4. Щур С. Г. Теории поля в лингвистике: учебное пособие. М.: Наука, 1974. 254 с.
5. Караулов Ю. Н. Структура лексико-семантического поля // Филологические науки. 1972. № 1. С. 57.
6. Стернин И. А. Методы исследования семантики слова. Ярославль: Истоки, 2013. 34 с.
7. Уфимцева Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Институт языкознания РАН, 2011. 252 с.
8. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
9. Шашкова В. Н. Анализ средств и механизмов номинации, используемых при описании референтной области «Деятельность сотрудника ОВД» (на материале русского и английского языков) // Проблемы лингвистики, методики обучения иностранным языкам и литературоведения в свете межкультурной коммуникации: сборник материалов III Международной научно-практической конференции. Орел: ФГБОУ ВО «ОГУ имени И. С. Тургенева», 2018. С. 193–194.
10. Ван Валин Р., Фоли У. Референциально-ролевая грамматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М.: Прогресс, 1982. С. 376–410.
11. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. М.: Прогресс, 1988. С. 52–93.
12. Демьянков В. З. Фреймовая семантика // Краткий словарь когнитивных терминов. Под общей редакцией Е. С. Кубряковой. М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. С. 189–191.

13. Сретенцев Д. Н., Титова К. А. Современные возможности криминалистической идентификации в расследовании преступлений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2022. № 4 (93). С. 192–197.
14. Падучева Е. В. Предикативные имена в лексикографическом аспекте // Статьи разных лет. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 317–337.
15. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.

REFERENCES

1. Shashkova V. N. Communicative and intentional specifics and features of the modal plan of educational and didactic texts: dis. ... cand. of philology. Orel, OSU named after I. S. Turgenev, 2006. 224 p. (In Russ.)
2. Logunova E. A., Fedotova E. A. Cognitive-discourse paradigm of knowledge in linguistics and its main provisions // Current issues in linguistics, pedagogy and methods of teaching foreign languages: a collection of scientific papers. Kaliningrad: Kaliningrad State Technical University, 2018. P. 45–49. (In Russ.)
3. Dubrovskaya O. G. Cognitive-discourse direction of cognitive linguistics as a knowledge paradigm for text interpretation // Bulletin of Leningrad State University named after A. S. Pushkin. 2011. P. 155–161. (In Russ.)
4. Shchur S. G. Field theories in linguistics: textbook. M.: Nauka, 1974. 254 p. (In Russ.)
5. Karaulov Yu. N. Structure of the lexical-semantic field // Philological sciences. 1972. No. 1. P. 57. (In Russ.)
6. Sternin I. A. Methods for studying the semantics of words. Yaroslavl: Istoki, 2013. 34 p. (In Russ.)
7. Ufimtseva N. V. Language consciousness: dynamics and variability. M.: Institute of Linguistics RAS, 2011. 252 p. (In Russ.)
8. Kubryakova E. S. Language and knowledge: On the way to acquiring knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in understanding the world. M.: Languages of Slavic culture, 2004. 560 p. (In Russ.)
9. Shashkova V. N. Analysis of the means and mechanisms of nomination used in describing the reference area “Activities of a police officer” (based on the Russian and English languages) // Problems of linguistics, methods of teaching foreign languages and literary criticism in the light of intercultural communication: collection of materials of the III International Scientific and Practical Conference. Orel: OSU named after I. S. Turgenev, 2018. P. 193–194. (In Russ.)
10. Van Valin R., Foley U. Referential-role grammar // New in foreign linguistics. Vol. XI. M.: Progress, 1982. P. 376–410. (In Russ.)
11. Fillmore Ch. Frames and semantics of understanding // New in foreign linguistics. Vol. XXIII. M.: Progress, 1988. P. 52–93. (In Russ.)
12. Demyankov V. Z. Frame semantics // Brief dictionary of cognitive terms / ed. by E. S. Kubryakova. M.: Philological Faculty of MSU named after. M. V. Lomonosov, 1996. P. 189–191. (In Russ.)
13. Sretentsev D. N., Titova K. A. Modern possibilities of forensic identification in the investigation of crimes // Scientific Bulletin of Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2022. No. 4 (93). P. 192–197. (In Russ.)
14. Paducheva E. V. Predicative names in the lexicographical aspect // Articles of different years. M.: Languages of Slavic Cultures, 2009. P. 317–337. (In Russ.)
15. Kobozeva I. M. Linguistic semantics. M.: Editorial URSS, 2000. 352 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

В. Н. Шашкова, кандидат филологических наук, доцент.

Information about the authors:

V. N. Shashkova, Candidate of Philology, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 11.02.2024; одобрена после рецензирования 10.04.2024; принята к публикации 21.06.2024.

The article was submitted 11.02.2024; approved after reviewing 10.04.2024; accepted for publication 21.06.2024.